

Стихи стоят
                    свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
                    и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
                    к жерлу прижав жерло
нацеленных
                    зияющих заглавий.
Оружия
                    любимейшего род,
готовая
                    рвануться в гике,

Page 5

застыла
                    кавалерия острот,
поднявши рифм
                    отточенные пики.
И все
                    поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
                    пролетали,
до самого
                    последнего листка
я отдаю тебе,
                    планеты пролетарий.
Рабочего
                    громады класса враг —
он враг и мой,
                    отъявленный и давний.
Велели нам
                    идти
                    под красный флаг
года труда
                    и дни недоеданий.
Мы открывали
                    Маркса
                    каждый том,
как в доме
                    собственном
                    мы открываем ставни,
но и без чтения
                    мы разбирались в том,
в каком идти,
                    в каком сражаться стане.

Heavy as lead,
                    my verses at attention stand,
ready for death
                    and for immortal fame.
The poems are rigid,
                    pressing muzzle
to muzzle their gaping
                    pointed titles.
The favorite
                    of all the armed forces,
the cavalry of witticisms,
                    ready

Page 5

to launch a wild hallooing charge,
reins its chargers still,
                    raising
the pointed lances of the rhymes.
And all
                    these troops armed to the teeth,
which have flashed by
                    victoriously for twenty years,
all these,
                    to their very last page,
I present to you,
                    the planet's proletarian.
The enemy
                    of the massed working class
is my enemy too,
                    inveterate and of long standing.
Years of trial
                    and days of hunger
                    ordered us
to march
                    under the red flag.
We opened
                    each volume
                    of Marx
as we would open
                    the shutters
                    in our own house;
but we did not have to read
                    to make up our minds
which side to join,
                    which side to fight on.

Мы
    диалектику
        учили не по Гегелю.
Бряцанием боев

Page 6

        она врывалась в стих,
когда
    под пулями
        от нас буржуи бегали,
как мы
    когда-то
        бегали от них.
Пускай
    за гениями
        безутешною вдовой
плетется слава
        в похоронном марше —
умри, мой стих,
        умри, как рядовой,
как безымянные
        на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
        на бронзы многопудье,
мне наплевать
        на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
        ведь мы свои же люди, —
пускай нам
        общим памятником будет
построенный
        в боях
                социализм.
Потомки,
    словарей проверьте поплавки:
из Леты
    выплывут
        остатки слов таких,
как «проституция»,
        «туберкулез»,
                «блокада».

Page 7

Для вас,

Our dialectics
        were not learned
                from Hegel.
In t'he roar of battle

Page 6

        it erupted into verse,
when,
    under fire,
        the bourgeois decamped
as once we ourselves
        had fled
                from them.
Let fame
    trudge
        after genius
like an inconsolable widow
        to a funeral march—
die then, my verse,
        die like a common soldier,
like our men
        who nameless died attacking!
I don't care a spit
        for tons of bronze;
I don't care a spit
        for slimy marble.
We're men of a kind,
        we'll come to terms about our fame;
let our
        common monument be
socialism
        built
                in battle.
Men of posterity
    examine the flotsam of dictionaries:
out of Lethe
    will bob up
        the debris of such words
as "prostitution,"
        "tuberculosis,"
                "blockade."

Page 7

For you,

которые
 здоровы и ловки,
 поэт
 вылизывал
 чахоткины плевки
 шершавым языком плаката.
 С хвостом годов
 я становлюсь подобием
 чудовищ
 ископаемо-хвостатых.
 Товарищ жизнь,
 давай
 быстрее протопаем,
 протопаем
 по пятилетке
 дней остаток.
 Мне
 и рубля
 не накопили строчки,
 краснодеревщики
 не слали мебель на дом.
 И кроме
 свежeweымытой сорочки,
 скажу по совести,
 мне ничего не надо.
 Явившись
 в Це Ка Ка
 идущих
 светлых лет,
 над бандой
 поэтических
 рвачей в выжиг
 я подыму,

Page 8

как большевистский партбилет,
 все сто томов
 моих
 партийных книжек.
 (1930)

who are now
 healthy and agile,
 the poet,
 with the rough tongue
 of his posters,
 has licked away consumptives' spittle.
 With the tail of my years behind me,
 I begin to resemble
 those monsters,
 excavated dinosaurs.
 Comrade life,
 let us
 march faster,
 march
 faster through what's left
 of the five-year plan.
 My verse
 has brought me
 no rubles to spare:
 no craftsmen have made
 mahogany chairs for my
 house.
 In all conscience,
 I need nothing
 except
 a freshly laundered shirt.
 When I appear
 before the CCC
 of the coming
 bright years,
 by way of my Bolshevik party card,
 I'll raise
 above the heads
 of a gang of self-seeking,

Page 8

poets and rogues,
 all the hundred volumes
 of my
 Communist-committed
 books.
 (1930)